

УДК 305-055.2

Я.А. Павлицева**РОЛЬ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК В ФОРМИРОВАНИИ
ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ**

Понятие гендера, введённое в оборот во второй половине XX века в социологии, широко распространилось во всех сферах гуманитарного знания и стало одной из фундаментальных концепций постмодернистской философии. Открытие «гендера» и его внедрение в дискурсивном поле гуманитарных наук существенно изменило понимание категорий «мужского/женского», экстраполируя их из области лишь биологического в сферы социального и мировоззренческого. Исследователи пересмотрели строгий биологический детерминизм пола человека и заявили о том, что пол – также явление социальное, которое как обуславливает определённый набор социальных ролей индивида, так и даёт ему возможность менять их, расширять спектр поведенческих моделей. Однако смена полоролевой принадлежности – процесс, который в каждом обществе происходит с разной скоростью и зависит от того, насколько данное общество прогрессивно и открыто для перемен и готово отказываться от укоренённых в сознании стереотипов. В связи с этим учёные вводят понятие гендерного стереотипа (И. Броверман, С. Бэсоу, К. Дио, Р. Эшмор, В.С. Агеев), некоторого набора психологических характеристик, моральных качеств, ценностных ориентиров и бихевиориальных установок, которыми должен обладать представитель того или иного пола. При этом различают стереотипы, общие для большинства наций мира и те, которые свойственны лишь для определённого общества.

Ещё одной важной особенностью концепции гендера в постмодернистской мировоззренческой парадигме является то, что он реализуется посредством языка, который рассматривается фундаментом формирования картины мира индивида. Утверждение

онтологического статуса языка провоцирует развитие большого количества лингвистических теорий в XX веке. На стыке гендерных исследований и изучения языка возникает гендерная лингвистика, одно из крупнейших и перспективных направлений в современном языкознании, представителями которой являются такие учёные, как Р. Лакофф, Д. Таннен, А.В. Кирилина, О.Л. Каменская, Г.Е. Крейдлин, Е.С. Гриценко, Е.И. Горошко. Главными задачами гендерной лингвистики становятся анализ языковых и речевых явлений с позиции половой принадлежности говорящего субъекта, изучение маскулинного и феминного аспектов языка, их стилистического наполнения и психологических характеристик. Однако малоизученными (в частности в отечественной лингвистике) остаются вопросы функционирования гендерных стереотипов, механизмы их внедрения, формирования и развития как в обществе в целом, так и у отдельного индивида. Одним из таких механизмов является дискурсивная практика как стратегия внедрения и поддержания системы стереотипов с целью получения властных функций одной социальной группы над другой. Эта практика осуществляется главным образом посредством языка, апеллируя к архетипическим образам психики человека. Таким образом, главной целью, выдвигаемой в этом исследовании, является изучение влияния дискурсивных практик на формирование гендерных стереотипов. Для достижения этой цели мы ставим такие задачи: 1) дать характеристику понятия «гендерный стереотип» в контексте властных отношений; 2) проанализировать дискурсивные практики, применяющиеся для внедрения и подкрепления гендерных стереотипов.

Властная природа гендерного стереотипа заложена уже в самой сути стереотипа как такового. Характеризуя данный концепт, мы будем опираться на трактовку этого понятия Г. Тэджфела и Т.Б. Рябовой, согласно которым стереотип – явление социальное и базируется на оппозиционных отношениях Я и Другого. Их взаимодействие строится на иерархичности, когда одна группа пытается занять доминирующую позицию относительно другой группы. А, заняв такое положение, установив свою власть, доминирующая группа диктует подчинённой свою мировоззренческую парадигму и поведенческие

нормы. Реализуется эта задача посредством набора стереотипов, которые постепенно внедряются, ограничивая тем самым возможности и степени свободы зависимой группы (или Других). Этот процесс прослеживается в частности и в гендерном аспекте в современной европейской картине мира, которая, по мнению гендерологов, является андроцентричной, патриархатной. Как заявляет О.В. Рябов, «В европоцентрическом дискурсе подлинно человеческими считаются качества, ассоциируемые с мужским началом; женщину характеризуют при помощи тех свойств, от которых человек в своей эволюции якобы отталкивается» [4]. Это приводит к тому, что возникает так называемая «гендерная асимметрия», когда в социуме значимость одного пола превосходит другой пол, и строго регламентируются «чисто мужские» и «чисто женские» качества (самый распространённый стереотип здесь – женщины эмоциональны, лишены трезвой рассудочности, а мужчины рациональны, свои эмоции им проявлять не должно). «Определяемое как мужское помещается в центр и рассматривается в качестве позитивного и доминирующего; определяемое как женское – в качестве периферийного и неполноценного» [4]. Такое неравнозначное позиционирование в гендерной сфере не только декларирует определённый набор качеств как «чисто мужские» или «чисто женские», но и имеет императивный характер, помещая индивида в жёсткие рамки, выход за которые будет расцениваться в социуме как отклонение от нормы, а данный индивид в таком случае будет маргиналом, аутсайдером. Корнем этой проблемы является стереотипность мышления человека, отсутствие критического осмысления реальности, «феномен плюралистического невежества», когда среднестатистический человек вместо того, чтобы опираться на собственные размышления и трезвый анализ существующего положения вещей, автоматически апеллирует к многовековой практике социума, не учитывая перемены в реальности.

Проводя строгую дифференциацию между Я и Другими при помощи набора стереотипов, даже та группа, которая навязывает их, попадает под удар, поскольку ограничивает себя, отрицая те «негативные» качества, которые приписывает как «характерные» своим

оппонентам. В этом и состоит властная функция стереотипа: это всегда строгое ограничение и норма, которых должны придерживаться обе стороны – и доминирующая, и подчинённая; это также пребывание в пределах одного дискурса и некритичное оперирование его терминами. Здесь неизбежно возникает вопрос, почему же стереотип становится таким мощным оружием манипуляции сознания людей и установления власти. На наш взгляд, основными причинами являются, во-первых, обобщающий характер стереотипа, который предлагает человеку универсальные (но в то же время упрощённые) схемы описания картины мира, основанные на многократном опыте социума; и во-вторых, и как следствие первой причины, не критичность мышления людей в общей массе. Глубокая укоренённость стереотипа в сознании индивида и его универсальность становится действенным средством манипуляции в руках тех людей, которые хорошо понимают механизмы функционирования и влияния стереотипа на восприятие и мышление человека. Именно стереотип, или сетка стереотипов (своего рода матрица), является структурным элементом, строительным материалом для формирования того или иного дискурса. Таким образом, властью в современном обществе обладает тот, кто умеет создавать дискурс, направляя тем самым социум в нужное для правящего субъекта русло, эффективно влияя на характер общественного мнения. И чем большим количеством стереотипов манипулятор оперирует, тем результативнее будет воздействие создаваемого им дискурса. Обращение к сфере гендерных стереотипов для формирования эффективного дискурса достаточно продуктивно, так же, как и апелляция к этническим стереотипам. Управляемость человеческого сознания при помощи гендерных стереотипов заключается в том, что стремление к различению лежит в основе самоидентификации личности, а принцип гендера здесь играет ведущую роль. Дифференциация становится не только способом самоидентификации индивида, но и той базой, на основании которой люди противопоставляют себя Другому, более того, устанавливают иерархию и систему властных отношений. Осуществляется эта практика при помощи языка, языковых клише и реализуется в дискурсе.

Впервые полномасштабно и развёрнуто о дискурсе заявил французский философ-постмодернист М. Фуко в труде «Воля к истине», что же касается дискурсивных практик, то этот концепт детально разрабатывался в главе «Порядок дискурса». Главными особенностями дискурса являются его произвольный характер, контролируемость, строгая организационность и дисциплинарность. На базе этой основополагающей структуры дискурса могут конструироваться любые дискурсивные практики, которые имеют по сути своей одну цель – власть одной социальной группы над другой посредством производства дискурса. В зависимости от отрасли социальной жизни (наука, образование, медицина, право, семейные отношения) будут варьировать дискурсивные практики каждая со своим набором терминов, речевых оборотов, грамматических конструкций, стилистическими особенностями, а также со своими системами ограничений, табу, предписаний и наказаний за их нарушения. Однако структура и цель дискурсивных практик будут оставаться идентичными и неизменными. «... в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых – нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновесной, такой угрожающей материальности» [5].

Сфера гендерных отношений выступает благодатной почвой для функционирования дискурсивных практик и проникает почти во все виды жизнедеятельности человека. А чем более всеохватывающим и укоренённым является свойство, присущее широкой массе людей, тем эффективнее использование этого свойства в манипуляционных целях. Дифференциация по половому (полоролевому) признаку фундаментальна для индивида в его самоидентификации и построении картины мира, а, следовательно, может послужить и опорой при создании дискурса.

Концепция гендера как средства манипуляции сознанием индивида также глубоко исследовалась М. Фуко, который отследил проблему пола на протяжении длительного периода западноевропейской

истории и показал, что пол личности (особенно начиная с середины 17-го века) стал объектом контроля и подчинения. Управление сознанием индивида осуществляется в основном посредством социализации и стереотипизации пола. По мнению М. Фуко, социальные институты, такие как семья, школа, право, церковь, медицина в процессе исторического развития постоянно навязывали «истину о сущности пола», фиксировали и прописывали все проявления пола, его «нормы» и устанавливали основные критерии его содержания. В свою очередь социализация и стереотипизация пола, а соответственно и контроль над любыми его проявлениями, происходит при помощи дискурсивных практик, которые способствуют закреплению и укоренению норм, выработанных социальными институтами. Использование дискурсивных практик оказывается эффективным средством контроля сознания вследствие их априорной аксиологичности. Интерпретация тех или иных проблем при помощи этих практик всегда подразумевает приписывание им определённой общественной значимости. При этом система ценностей, навязываемая путём использования определённого дискурса, всегда имеет своей целью максимально подчинить себе сознание индивида. А главным стремлением номенклатуры указанных выше социальных институтов является создание тщательно разработанной системы контроля за производством дискурса. Поэтому, согласно М. Фуко, все ценности и понятия (в том числе и пол) современного социума представляются неестественными и ложными, т.к. возникли в результате дискурса. Таким образом, дискурсивные практики отдаляют индивида от понимания истинной сути реальности, это скорее «...насилие, совершаемое над вещами, некая практика, которую мы им навязываем» [5]. Ещё одним способом внедрения дискурсивных практик является система норм, запретов и предписаний. Через систему норм и запретов дискурс предопределяет сознательное и бессознательное языковое поведение индивида, а, следовательно, и его картину мира в целом.

Идентификация по гендерному признаку и вытекающий отсюда набор социальных ролей детерминируются дискурсивным контекстом определённого общества, культуры и семьи. Гендерная идентич-

ность для индивида обуславливается с его рождения в соответствии с его биологическим полом. Далее по мере взросления происходит процесс гендерной социализации человека с помощью ритуалов (согласно американскому социологу Э. Гоффману), регламентируемых данным обществом, которые также в свою очередь пронизаны бинарной оппозицией мужское/женское. Имена, формы обращения, голоса, причёски, самопрезентация ритуализируют гендерную идентичность. Причём гендерная принадлежность человека не является статичной категорией, а постоянно закрепляется во взаимодействии с другими членами общества и его социальной деятельностью. Язык производит значения в виде бинарных оппозиций, которые всегда уже включают оценочное суждение и участвует в формировании положительных или отрицательных коннотаций. Эти коннотации, которые воспроизводят языковые единицы находятся не только в сфере лингвистики, но и отражают базовые культурные и символические элементы данной нации. Кроме того, они содержат в себе образно-ассоциативные, эмоциональные, аксиологические и квалификационные интенции социума, которые раскрываются в процессе коммуникации.

Опираясь на проведённое исследование, можно констатировать следующие выводы. Роль дискурсивных практик в формировании гендерных стереотипов и влияние полоролевого признака на эффективное функционирование дискурса симметричны и являются взаимодополняющими факторами. Причиной тому служит властный контекст, в котором находятся как дискурс (и дискурсивные практики), так и гендерный стереотип (и стереотип как таковой). Кроме того, и дискурсивные практики, и гендерные стереотипы имеют ряд общих черт, таких как жёсткая регламентированность, императивность, аксиологичность, универсальность. Дискурсивные практики для того, чтобы эффективно функционировать (с целью установления власти одной социальной группы над другой) апеллируют к стереотипности мышления человека, задействуют гендерные стереотипы как одно из самых мощных средств манипуляции сознанием. Таким образом, именно посредством дискурса происходит закрепление и укоренение стереотипов, а стереотипы, в свою очередь, не позволяют индивиду, который ими оперирует, выйти за рамки определённого дискурса.

Литература

1. Агеев В.С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов / В.С. Агеев // Вопросы психологии. – 1987. – № 1. – С. 95-10.
2. Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: дис. на соискание ученой степени доктора филол. наук: 10.02.19 «Теория языка» / Е.С. Гриценко. – Нижний Новгород, 2005. – 403 с.
3. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М.: Изд-во «Инст-т социологии РАН», 1999. – 180 с.
4. Рябова Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований / Т.Б. Рябова // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Вып.1-2 (15-16). – С. 120-139.
5. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
6. Чалдини Р. Психология влияния. Убеждай, воздействуй, защищайся / Р. Чалдини. – СПб.: Питер, 2010. – 336 с.
7. Basow, S.A. Gender Stereotypes and Roles / S.A. Basow. – N.Y.: Pacific Grove, 1992. – 447 p.
8. Deaux, K.; Lewis, L.L. Structure of Gender Stereotypes: Interrelations among Components and Gender Label / K. Deaux, L.L. Lewis // Journal of Personality and Social Psychology. – 1984. – № 46. – P. 991-1004.

Анотація

Я.О. Павліщева. Роль дискурсивних практик у формуванні гендерних стереотипів.

Метою статті є дослідження впливу дискурсивних практик на формування гендерного стереотипу. Матеріалом для аналізу автор обрав проблему гендерних стереотипів у контексті владних відносин у суспільстві, які реалізуються за допомогою нав'язування цих стереотипів домінуючою соціальною групою підлеглих. Автор наголошує, що європейській картині світу притаманні такі риси, як патріархатність та андроцентричність, що в свою чергу призводить до гендерної асиметрії, коли маскуліне постає у центрі, а фемініне – на периферії. Призначенням гендерних стереотипів є закріплення та укорінення в свідомості людини такої картини світу. Саме в цьому й проявляється владна функція стереотипу – через жорстке регламентування образу дійсності, перебування у межах одного дискурсу й некритичне ставлення до нього. Гендерний стереотип, в свою чергу, постає тип фундаментом, на якому відбувається формування дискурсу. Автор доходить висновку, що роль

дискурсивних практик у формуванні гендерних стереотипів й вплив статевої ознаки на ефективне функціонування дискурсу – симетричні й взаємодоповнюючі фактори. Причиною цього є владний контекст, в якому знаходяться як дискурс, так і гендерний стереотип. Крім того, й дискурсивна практика, й гендерні стереотипи мають такі загальні риси, як жорстка регламентованість, імперативність, аксіологічність, універсальність.

Ключові слова: гендерний стереотип, дискурс, дискурсивна практика, владні відносини.

Анотация

Я.А. Павлищева. Роль дискурсивных практик в формировании гендерных стереотипов.

Целью статьи является изучение влияния дискурсивных практик на формирование гендерных стереотипов. Материалом для анализа автор выбрал проблему гендерных стереотипов в контексте властных отношений в обществе, которые реализуются при помощи навязывания этих стереотипов доминирующей социальной группой подчинённой. Автор подчёркивает, что европейской картине мира присущи такие черты, как патриархатность и андроцентричность, что в свою очередь приводит к гендерной асимметрии, когда маскулинное выходит в центр, а феминное находится на периферии. Предназначением гендерных стереотипов является укрепление и укоренение в сознании человека такой картины мира. В этом и проявляется властная функция стереотипа – через жёсткое регламентирование образа реальности, пребывание в пределах одного дискурса и некритичное отношение к нему. Гендерный стереотип, в свою очередь, выступает фундаментом формирования дискурса. Автор приходит к выводу, что роль дискурсивных практик в формировании гендерных стереотипов и влияние полоролевого признака на эффективное функционирование дискурса – симметричные и взаимодополняющие факторы. Причиной тому является властный контекст, в котором находятся как дискурс, так и гендерный стереотип. Кроме того, и дискурсивная практика, и гендерные стереотипы имеют такие общие черты, как жёсткая регламентированность, императивность, аксиологичность, универсальность.

Ключевые слова: гендерный стереотип, дискурс, дискурсивная практика, властные отношения.

Summary**Ya.O. Pavlishcheva. The Role of Discourse Practices
in the Gender Stereotypes Formation.**

The aim of the article is to examine discourse practices' influence on the gender stereotypes formation. The author has analysed gender stereotypes problem in the context of the power relations in the society that realize through imposing of these stereotypes on the subordinate social group by the dominating one. The author has emphasized that the features of the European image of the world are patriarchal and androcentric, which in turn leads to gender asymmetry, when masculine is in the center and the feminine is in the periphery. The aim of gender stereotypes is to fix such image of the world in human mind. This is the powerful function of the gender stereotype – through the tough regulation of reality image, being in the limits of a discourse and non-critical attitude to it. Gender stereotype in turn exists as the foundation of the discourse formation. The author has concluded that the role of the discourse practices in the gender stereotypes formation and the impact of the gender-role mark on the effective functioning of discourse are symmetrical and complementary factors. The reason is the power context in which both discourse and gender stereotype are located. Besides, discourse practice and gender stereotype have such common features as tough regulation, imperative aspect, axiological character, universality.

Key words: gender stereotype, discourse, discourse practice, power relations.

Інформація про автора

Павліщева Яна Олександрівна: ORCID: 0000-0002-5527-9593;
кандидат філологічних наук, асистент кафедри іноземних мов №3
Харківського національного юридичного університету імені Ярослава
Мудрого; вул. Пушкінська, 77, м. Харків, 61024, Україна